

А. Сабіаковъ.

**ХУДОЖНИКЪ
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
ШУМОВЪ.**

(Съ приложеніемъ двухъ портретовъ).

РЯЗАНЬ.
Типографія Братства св. Василия.
1915.

ХУДОЖНИКЪ

Императорской Петроградской Академіи Художествъ,

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ШУМОВЪ

(† въ Рязани, 28-го авг. 1905 г.).

со дня его кончины, за исключеніемъ небольшого сообщенія о немъ--въ книгѣ профессора Н. Н. Глубоковского о Преосвященномъ Рязанскомъ Смарагдѣ (въ приложеніи къ этой замѣчательной книгѣ, въ главѣ о портретахъ Преосвящ. Смарагда, стр. 540—545).

А, между тѣмъ, глубоко-симпатичная и удивительно оригинальная личность популярнаго въ свое время художника-идеалиста, художника-христіанина—должна имѣть высокую цѣну и назидательное значеніе не для однихъ только любителей и знатоковъ церковной живописи и церковнаго благолѣпія, но и для болѣе широкихъ круговъ общества.

Восполняя указанный пробѣлъ въ нашей мѣстной печати, мы и даемъ нашимъ читателямъ, къ имѣющему исполниться 10-лѣтію со дня кончины Ник. Васильевича, его краткую біографію.

I.

„Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводить изъ народа

Столько славныхъ, то и знай“.—*)

таковымъ именно талаятливымъ самородкомъ, вышедшимъ изъ среды простого, крѣпостного тогда народа, и былъ покойный Ник. Васильевичъ, вмѣстѣ съ другимъ нашимъ знаменитымъ землякомъ-рязанцемъ, граверомъ-художникомъ, профессоромъ И. П. Пожалостинимъ.

Родился Н. В-чъ въ 1827 году, въ с. Солотчѣ, Рязанскаго уѣзда**), и по рожденію принадлежалъ къ крестьянскому—податному сословію. Первоначальное художественное образованіе свое онъ получилъ въ иконописной мастерской Солотчинскаго монастыря, подъ руководствомъ простыхъ мастеровъ-живописцевъ; но, будучи отъ природы надѣленъ выдающимися художественными способностями, онъ скоро сталъ замѣчать недостатки въ работахъ своихъ руководителей и есте-

*) Некрасовъ, —ст. „Школьникъ“...

**) Откуда родомъ былъ и проф.—граверъ Пожалостинъ.

ственно началъ стремиться къ исканію лучшихъ образцовъ художественнаго творчества. Пользуясь нравственной и матеріальной поддержкой нѣкоторыхъ лицъ изъ братіи Солотчинскаго монастыря, Н. В., подобно геніальному крестьянину-померу, М. В. Ломоносову, почти безъ всякихъ средствъ, отправляется въ Петроградъ и тамъ, успѣшно выдержавъ испытаніе въ искусствѣ владѣть карандашомъ, вступаетъ въ число учениковъ Императорской Академіи Художествъ (1850—53 г.г.).

Избравъ своей спеціальностью живопись историческую и портретную, Н. В-чъ усердно работалъ въ Академіи подъ руководствомъ знаменитаго профессора исторической и религіозной живописи Алексѣя Тарасовича Маркова (1802—1878) и былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ и способнѣйшихъ учениковъ его.

Руководитель покойнаго Н. В-ча, — заслуженный профессоръ Академіи Художествъ А. Т. Марковъ, — ученикъ профессоръ-художниковъ Иванова, А. Егорова и Шебуева, былъ великолѣпнымъ рисовальщикомъ. Художественной кисти его принадлежить много картинъ-плафоновъ въ храмахъ обѣихъ нашихъ столицъ, напр., въ Исакиевскомъ соборѣ, въ Благовѣщенской церкви Конногвардейскаго полка, живопись на парусахъ купола Введенской церкви Семеновскаго полка и мн. др. Но вѣнцомъ всѣхъ живописныхъ работъ А. Т. Маркова является колоссальная картина-плафонъ въ главномъ куполѣ Московскаго храма Христа Спасителя, — изображеніе Тринитаснаго Бога-Вседержителя, одно изъ замѣчательнѣйшихъ созданій русской религіозной живописи, по которому можно судить о характерѣ и художественномъ направленіи какъ самаго Маркова, такъ и многочисленныхъ учениковъ его.

По характеру своему проф. Марковъ былъ человекомъ долга по преимуществу: весьма трудолюбивымъ, аккуратнымъ, добросовѣстнымъ и крайне строгимъ и требовательнымъ какъ къ себѣ самому, такъ и къ ученикамъ своимъ, — къ ихъ первымъ художественнымъ опытамъ. Эти его высокія каче-

ства, естественно, должны были перейти и къ ученикамъ его. Превосходный художникъ-педагогъ, А. Т. Марковъ образовалъ для русскаго искусства весьма много талантливыхъ художниковъ, и видное мѣсто среди нихъ принадлежитъ несомнѣнно Н. В. Шумову.

Работая усердно подъ руководствомъ такого строгаго наставника, какъ А. Т. Марковъ, Н. В-чъ, кромѣ того, долженъ былъ полагать много труда и усилій, чтобы снискать себѣ хотя скудный кусокъ хлѣба, проще сказать, — чтобы не умереть съ голоду, ибо никакихъ пособій и стипендій въ Академіи онъ не получалъ, будучи человекомъ весьма скромнымъ и не искательнымъ. Пищей его въ то время часто служили черствые куски чернаго хлѣба, запиваемаго сырой неводской водицей... Поэтому-то ученическіе годы Н. В-ча были для него годами тяжелой жизненной борьбы, изнуравшей душу и тѣло покойнаго.

Посѣщая художественные и общеобразовательные классы Академіи, онъ работалъ еще въ Императорскомъ Эрмитажѣ надъ копированіемъ произведеній классической живописи, а свободное отъ этихъ обязательныхъ занятій время онъ употреблялъ на исполненіе сначала мелкихъ, копѣчныхъ, а потомъ и болѣе крупныхъ работъ по частнымъ заказамъ, преимущественно изъ области портретной и религіозной живописи, что и служило для него единственнымъ источникомъ пропитанія.

Жизненная борьба въ теченіе ученическихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Академіи (1850—53), закаливъ характеръ покойнаго Н. В-ча, положила неизгладимый отпечатокъ и на наружность его: изъ цвѣтушаго юноши онъ превратился по виду въ какого-то юнаго старца, убѣленнаго серебряною сѣдиною, съ серебрянымъ вѣнчикомъ необыкновенно густыхъ сѣдыхъ волосъ вокругъ обнаженнаго темени, а, въ то же время, — съ удивительно добрымъ и пріятнымъ свѣжимъ лицомъ, на которомъ всегда играла привѣтливая улыбка, — таковъ былъ неизмѣнный внѣшній обликъ покойнаго Н. В-ча,

хорошо извѣстный старожиламъ г. Рязани почти на протяжении цѣлаго столѣтія...

Работы Н. В-ча обращали на себя особое вниманіе посѣтителей на ученическихъ выставкахъ Академіи Художествъ, и за выдающіяся изъ нихъ: 1) портретъ г. Суслова (купца, лично извѣстнаго Императору Николаю Павловичу) и 2) этюдъ головы старушки *)—онъ получилъ званіе художника.

Первая изъ названныхъ работъ приводила въ восторгъ самого Имп. Николая Павловича, который, указывая на нее чинамъ своей свиты, въ изумленіи восклицалъ: „смотрите: Сусловъ, Сусловъ-то! Какъ живой стоитъ“!.. На такое высокое качество работы *русскаго* художника Императоръ неоднократно указывалъ *французскому художнику* Робельяру, искавшему тогда званія класснаго художника Русской Академіи Художествъ.—Въ званіи художника Н. В-чъ утверждень общимъ Собраніемъ Академіи въ 1853 году, отъ 24—27 сент. Званіе художника Академіи и выставленныя въ залахъ Академіи работы Н. В-ча обратили на него вниманіе высокопоставленныхъ лицъ, интересовавшихся русской живописью, и вскорѣ онъ получилъ предложеніе извѣстнаго въ то время въ столицѣ магната-князя В. В. Долгорукова преподавать рисованіе его дочерямъ и написать иконы въ его домовую церковь.

Въ успѣшномъ исполненіи этого княжескаго заказа Н. В-чу было выдано собственноручное *свидѣтельство* высокопоставленнаго заказчика: „Императорской Петроградской Академіи Художествъ, художникъ Н. Шумовъ для моей вновь устроенной домовой церкви въ Петроградѣ, писалъ образа, которыми я остался очень доволенъ. Въ чемъ свидѣтельствую подписью моею съ приложеніемъ герба моего печати. Петроградъ, іюня 16 дня 1854 года. Дѣйствительн. Тайн. Совѣтникъ Князь Василій Долгоруковъ“. Приведенный нами дословно документъ имѣетъ, въ отношеніи къ художественной

*) Квартирной хозяйки Н. В-ча, погребенной имъ на собственный счетъ...

дѣятельности Н. В-ча, какъ бы типическое значеніе, открывавшая собою безконечно длинный рядъ благодарственныхъ писемъ и хвалебныхъ отзывовъ, полученныхъ Н. В-чемъ отъ его многочисленныхъ заказчиковъ въ теченіе его долголѣтней художественной дѣятельности. Таковыхъ благодарственныхъ и хвалебныхъ отзывовъ въ распоряженіи пишущаго эти строки имѣется огромное количество.

Вышеуказанныя и послѣдующія работы Н. В-ча по церковной живописи обратили на него вниманіе Августѣйшаго Президента Академіи Художествъ, каковой постъ занимала тогда Ея Имп. Высочество, дочь Императора Николая Павловича, вдовствующая въ то время герцогиня Лейхтенбергская Марія Николаевна (†1876 г.). Н. В-чъ былъ приглашенъ ко Двору для преподаванія живописнаго искусства самой В. Княгинѣ Маріи Николаевнѣ и Августѣйшимъ дѣтямъ ея. Здѣсь, при Дворѣ, Н. В. занимался около года, пользуясь вниманіемъ членовъ царской фамиліи и даже удостоившись однажды милостиваго вниманія и одобренія самого Государя Императора. Всецѣло довѣряясь художественному вкусу и педагогическому таланту Н. Васильевича, Великая Княгиня Марія Николаевна командировала (въ 1854 г.) только что женившася тогда художника Н. В-ча въ знаменитый Дивѣевскій монастырь (Нижегородской губ.), близъ Саровской обители, въ качествѣ организатора и перваго наставника школы живописи, для обученія Дивѣевскихъ сестеръ иконописанію.

II.

Командировка Н. Васильевича въ Дивѣевскій монастырь на должность организатора и учителя иконописной мастерской предварялась весьма характерными и любопытными обстоятельствами.

Когда администрація Дивѣевского монастыря обратилась (въ 1854 г.) къ Августѣйшему президенту Академіи Художествъ В. Княгинѣ Маріи Николаевнѣ съ ходатайствомъ о

назначеніи какого-либо художника для обученія сестеръ иконописному искусству, то выборъ Вел. Княгини естественно остановился на Ник. Васильевичѣ, ибо работы его по исторической и особенно церковной живописи были весьма хорошо извѣстны Вел. Княгинѣ.

Однако, отдавая должное художнику, она медлила назначеніемъ его на эту должность,—по той причинѣ, что онъ былъ еще не женатымъ и, слѣд., не подходящимъ для вышеуказанной должности въ женскомъ монастырѣ. Въ это время, когда Вел. Княгиня колебалась принятіемъ того или иного рѣшенія, Ник. В-чъ, провѣдавшій о предвѣщенной ему командировкѣ, которая вообще ему не улыбалась, не сказавшись никому, кромѣ близкихъ товарищей, уѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ встрѣтился съ семьей дворянина Христофорова, одной изъ дочерей котораго онъ и сдѣлалъ предложеніе. Послѣ того, какъ состоялось обрученіе, Н. В-чъ узналъ, что по приказу изъ Петрограда его ищутъ. Онъ тотчасъ же простился съ невестой и вернулся въ Петроградъ женихомъ, никому не говоря объ этой перемѣнѣ въ своей жизни. Въ тотъ же день онъ явился на своемъ обычномъ мѣстѣ за мольбертомъ по дворцѣ Вел. Княгини. Вещественное доказательство пріобрѣтеннаго въ Москвѣ новаго званія, т. е. обручальное кольцо на указательномъ пальцѣ правой руки, сильно смущало Н. В-ча, и онъ обернулъ палецъ тряпочкой. Это было въ началѣ сентября 1854 года. Совершенно спокойно сидѣлъ Н. В. предъ картиной, какую онъ писалъ, какъ вдругъ въ комнату вошла Вел. Княгиня. Замѣтивъ у Н. В-ча завязанный палецъ на правой рукѣ, она спросила его: „что это у Васъ, художникъ, съ пальцемъ? покажите!“— Н. В. всячески старался избѣжать этого, говоря, что на пальцѣ маленькая царапина, совсѣмъ пустяки; но Вел. Княгиня потребовала показать и, увидѣвъ истинную причину повязки, воскликнула: Великій Угодникъ Божій Серафимъ! Какъ ты дивно все устроилъ!.. Кто же Ваша невеста, художникъ, гдѣ она?“ Н. Васильевичъ отвѣчалъ. Вел. Княгиня спросила его: „А какъ звать Вашу

невѣсту? — Надежда. — „А, значить, она скоро именинница. А Вы послали ей подарокъ?“ Н. В. отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, онъ этого сдѣлать не можетъ, за неимѣніемъ денегъ. — „Такъ... Ну, готовьтесь ѣхать въ Дивѣвскую женскую обитель, я назначила Васъ туда учителемъ живописи“ — сказала Вел. Княгиня и прослѣдовала въ другіе покои. Спустя нѣкоторое время, послѣ 17-го сентября, Н. В. получаетъ отъ невѣсты письмо, въ которомъ она благодаритъ его за присланные имъ ко дню ея ангела съ дворцовымъ курьеромъ подарки. Н. В. былъ пораженъ: никакихъ подарковъ онъ нѣвѣстѣ не посылалъ, да и не было у него средствъ на такіе подарки, какіе, по письму невѣсты, ей были переданы отъ его имени. Онъ недоумѣвалъ и не зналъ какъ поступить. Одно время онъ даже хотѣлъ возвратитъ невѣстѣ обручальное кольцо, считая ея письмо насмѣшкой надъ его бѣдностью, но — дѣло скоро разъяснилось. Все это было сдѣлано по приказанію Вел. Княгини Маріи Николаевны, при посредствѣ Московскаго Генералъ—Губернатора, Графа Закревскаго.

Получивъ назначеніе въ Дивѣво, Н. В. прибылъ въ Москву, женился и отправился къ мѣсту новаго своего служенія. —

Вскорѣ, по приѣздѣ въ обитель, Н. В., еще не успѣвши порядкомъ осмотрѣть мѣсто новаго своего жительства, сильно занемогъ изнурительной лихорадкой (малярія). И вотъ, въ періодъ наибольшаго проявленія болѣзни, ночью Н. В. видитъ во снѣ себя на берегу широкаго источника, на другомъ же берегу — св. старца Серафима, направляющагося въ сторону стоявшихъ тамъ игуменіи обители и сестеръ... Н. В. несказанно обрадовался святому (тогда еще не канонизованному) и прямо по водѣ бросился къ нему съ мольбою объ исцѣленіи. Св. Серафимъ крѣпко взялъ его за руку... и художникъ увидѣлъ себя у входа въ совершенно незнакомую ему церковь. Онъ ясно видѣлъ каменные ступени, поросшія мхомъ, и чувствовалъ, какъ сжалъ ему руку Св. Серафимъ. Это крѣпкое пожатіе разбудило Н. В.-ча и онъ даже вскрикнулъ, просыпаясь.

Придя въ болѣе спокойное состояніе, Н. В. сказалъ бывшимъ у его постели женѣ и одной изъ монахинь, что онъ сейчасъ видѣлъ во снѣ Св. старца Серафима, и онъ крѣпко схватилъ его за руку, подведя ко входу въ какую-то церковь. Сейчасъ же Н. В. рѣшилъ идти вечеромъ ко всенощной. Это рѣшеніе женѣ его, да и всѣмъ присутствовавшимъ казалось почти безуміемъ, такъ какъ больной не вставалъ еще съ постели и былъ очень слабъ. Однако къ вечеру Н. В., ко всеобщему изумленію, поднялся и пошелъ въ церковь. Всенощная совершалась въ храмѣ, котораго Н. В. еще не видѣлъ. Каково же было его удивленіе и религіозный трепетъ, когда онъ увидѣлъ себя у тѣхъ же самыхъ ступеней, поросшихъ мхомъ, къ которымъ какъ бы подвелъ его, въ сонномъ видѣніи, св. старецъ Серафимъ?!... Молитвенно настроенный, Н. В. вошелъ въ храмъ и тамъ увидѣлъ игуменію обители, которая, замѣтивъ его, обратилась къ нему съ привѣтомъ и сказала: „вотъ какъ хорошо, Н. В., что Вы пришли: сейчасъ привезли воду изъ источника св. Серафима, выпейте немного и будете здоровы“.

Надо ли говорить, что съ этого момента силы и здоровье Н. В. стали съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе восстанавливаться... Вышеописанное чудесное видѣніе св. старца Серафима Н. В. запечатлѣлъ сейчасъ же, какъ только всталъ съ постели, эскизнымъ рисункомъ, который, какъ святыня, хранится у его дѣтей. И именно по воспоминанію объ этомъ чудномъ видѣніи Н. В. сталъ впоследствии писать иконныя изображенія Преподобнаго, уловивъ черты его, — какъ онъ явился ему въ чудесномъ видѣніи. Да и въ послѣдующей своей жизни Н. В. испытывалъ на себѣ особое воздѣйствіе благодатной силы и водительства пр. Серафима Саровскаго. Такъ, напр., семейнымъ своимъ покойнымъ Н. В. неоднократно сообщалъ, что Пр. Серафимъ въ ночномъ видѣніи предсказалъ ему даже время его кончины, — каковая кончина художника, по предсказанію преподобнаго Серафима, должна была послѣдовать вскорѣ послѣ того, какъ совершится просла-

вление его святой памяти. И действительно, 19 июля 1903 года состоялось прославление памяти пр. Серафима Саровскаго, а 28 авг. 1905 года скончался нашъ маститый старецъ-художникъ, на 79-мъ году своей жизни... Къ сожалѣнію, подробностей этого второго видѣнія св. Серафима Н. В. не сообщалъ дѣтямъ своимъ...

Во времени учительства Н. В-ча въ Дивѣевѣ относится и мимолетное, случайное знакомство его съ великимъ святителемъ Московскимъ Филаретомъ, котораго покойный художникъ считалъ ясновидцемъ, и вотъ почему: когда сестры Дивѣевской обители—ученицы Н. В-ча стали сами уже довольно порядочно работать красками, то рѣшено было показать ихъ работы Московскому Святителю. Иконы эти, были, конечно, нѣсколько усовершенствованы—„подкрашены“, такъ сказать, волшебной кистью учителя-художника и въ такомъ видѣ представлены были имъ Преосвященнѣйшему Митр. Филарету, въ качествѣ „работы сестръ Дивѣевской обители“. Одна изъ этихъ картинъ, болѣе другихъ „подкрашенная“ учителемъ-художникомъ, привлекла особое вниманіе Святителя.

Осмотрѣвъ всѣ представленныя картины—„работы сестеръ Дивѣевскихъ“, Владыка сказалъ: „хорошо, очень хорошо; а съ кого *Вы* писали? Натурщиковъ ли предъ собою имѣли, или съ образцовъ копировали?“ На словѣ *Вы* Владыка слѣдаль особое удареніе. „Не я писалъ, Владыко, отвѣчалъ Н. В., это работы сестеръ-монахинь“...—„Слышалъ, слышалъ... а хорошо *Вы* работаете, хорошо“...—„Сестры Дивѣевскія такъ работаютъ, Владыко“,—вновь попробовалъ—было возразить Н. В-чѣ, и вновь Митрополитъ отвѣтилъ: „Да, да, *Вы* работаете хорошо и да благословитъ Васъ Господь работать такъ и впредь“!... „Ну, и кто ему сказалъ обо всемъ?“...—просто душно изумлялся при разказѣ объ этомъ событіи Н. Васильевичъ: „истинно мудрый и святой человекъ—Московскій Владыка!“...

Около года занимался Н. Васильевичъ въ качествѣ наставника иконописной мастерской въ Дивѣевской обители, и

когда эта школа доведена была, его трудами, до высокой степени совершенства, то Н. В. призвалъ свою миссію въ монастырь оконченною: работы его ученицъ были представлены въ Петроградъ, удостоились тамъ полнаго одобренія, а самъ художникъ получилъ полную свободу избрать себѣ мѣсто жительства, остановилъ свое вниманіе на г. Ярославлѣ, гдѣ и прожилъ около 2-хъ лѣтъ; но сырой климатъ и постоянныя лихорадки заставили его покинуть этотъ древній городъ и переселиться на родину, въ г. Рязань. За время своего пребыванія въ г. Ярославлѣ Н. В. изготавилъ много большихъ портретовъ новаго тогда Государя Императора Александра II, Царя-Освободителя, для разныхъ присутственных мѣстъ и общественныхъ учрежденій. Портреты эти отличались, по обыкновенію, высокими достоинствами и изготавлялись имъ за баснословно—дешевую цѣну.--

Въ 1857-мъ году Николай В-чъ переѣхалъ на жительство съ семьєю въ родную Рязань, откуда уже и не переѣзжалъ никуда до самой своей кончины. Работалъ онъ здѣсь сначала единолично, но уже въ 1859-мъ году, собравши маленькую сумму, онъ сумѣлъ пріобрѣсти себѣ небольшую усадьбу съ домикомъ, какъ-разъ противъ зданія Духовной Семинаріи (за 400 р. ассигнаціями), открылъ въ немъ иконописную мастерскую, постепенно расширялъ и усовершенствовалъ свое любимое дѣло, ревностно работалъ не этомъ поприщѣ до самой кончины и, такимъ образомъ, цѣлыхъ 45 лѣтъ стоялъ на стражѣ строго-церковнаго художественнаго вкуса въ области церковной живописи, снабжая своими художественными работами едва ли не весь міръ православный, включительно до св. града Іерусалима и св. горы Аѳонской.

III.

Съ открытіемъ собственной иконописной и иконостасной мастерской начинается самый продуктивный періодъ жизни и дѣятельности Ник. В-ча. Его неутомимое личное трудо-

любие, умѣнье находить подходящихъ помощниковъ и мастеровъ, ласковое, чисто-родственное къ нимъ отношеніе, щедрость въ оплатѣ ихъ труда, умѣнье и тактъ въ обращеніи съ заказчиками, необыкновенно умѣренная плата за иконостасныя работы, аккуратность въ исполненіи заказовъ и, главное, — высокое художественное достоинство исполняемыхъ работъ, — все это, взятое вмѣстѣ, служило гарантіей полного и выдающагося успѣха начатаго имъ художественнаго предпріятія. Въ скоромъ времени добрая слава о мастерской Ник. В—ча, распространившись по Рязанской губерніи, прогремѣла по всей Руси православной, и безкорыстному, выдающемуся артисту-художнику отъ заказовъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ нашей родины, какъ говорится, „отбою не было“. Трудно подвести точную статистику заказовъ на иконописныя и иконостасныя работы, аккуратнѣйшимъ образомъ выполненныя въ мастерской Ник. В—ча въ теченіе почти полувѣкового періода его художественной дѣятельности.

Конечно, на первомъ планѣ здѣсь нужно указать, въ качествѣ наиболѣе выдающихся, его работы по г. Рязани. Рязанскій теплый кафедральный соборъ, въ настоящее время столь роскошно и благолѣпно возобновленный и украшенный трудами и щедрыми жертвами Владыки нашего Пресвященнаго Димитрія, былъ весь росписанъ лично рукою самого Ник. В—ча; великолѣпнѣйшій иконостасъ въ Семинарскомъ храмѣ, съ иконами на массивныхъ цинковыхъ листахъ, — работа также Н. В—ча; иконы и картины другихъ рязанскихъ церквей — Епархіальнаго училища (центральная часть 3—престольнаго иконостаса), Ильинской, Никольской, Введенской, нѣкоторыя иконы Троицкаго храма Ново-Александровской слободы и мн. др., все это — работы Н. В—ча и невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе молящихся прекраснымъ исполненіемъ и строгой выдержанностью стиля. Помимо г. Рязани работы Н. В—ча имѣются во многихъ уѣздныхъ городахъ Рязанской губерніи (въ Ряжскомъ, напр., соборѣ, построенномъ иждивеніемъ бывшаго о. Ректора Рязан. дух.

Семинаріи, прот. В. И. Гаретовскаго *) и во многихъ же селахъ нашей Епархіи, да и не въ богатыхъ только, каковы, напр., Ухолово, Борець, Киструсь, Дегтяное, Малинки и т. д., а иногда и въ самыхъ бѣдныхъ, потому что цѣну за свои работы Н. В. назначалъ самую умѣренную, вполне доступную и бѣднѣйшимъ церквамъ, а уплата слѣдуемой суммы обыкновенно производилась *въ разсрочку*, часто на протяженіи цѣлаго десятка лѣтъ, небольшими суммами, иногда рублей по 20-ти и даже менѣе... Справедливо будетъ сказать, что развѣ только *въ одной десятой части* общаго числа (1000) церквей Ряз. Епархіи не имѣется тѣхъ или иныхъ работъ покойнаго Ник. Васильевича!

Не довольствуясь выполненіемъ заказовъ по родной своей Рязанской Епархіи, Н. В. щедро снабжалъ работами своей художественной мастерской св. храмы Божіи и въ другихъ Епархіяхъ, какъ-то: въ Московской, Петроградской, Воронежской, Харьковской, Курской, Олонецкой, Черноморской, въ Польшѣ, въ Сибири, въ Средней Азійи и даже на Аѳонѣ и въ св. Землѣ, особенно же въ самомъ св. градѣ Іерусалимѣ. Это послѣднее, удивительное, повидимому, обстоятельство объясняется однако весьма просто: наши многочисленныя и благочестивыя паломники, посѣщая св. гору Аѳонскую и Палестину, поражались крайнимъ убожествомъ весьма многихъ тамошнихъ православныхъ церквей и особенно—убожествомъ и неблагообразіемъ священныхъ изображеній; такое впечатлѣніе выносилось не только людьми интеллигентными, но даже и простыми нашими богомольцами; и вотъ къ Ник. В—чу весьма часто стали приходить совершенно простые мужички и крайне бѣдныя, повидимому, богомолки-старушки; по обычаю своему, сердобольный художникъ хватался уже за кошелекъ, чтобы сотворить св. милостыню, но, къ удивленію своему, отъ этихъ бѣдныхъ странниковъ и странницъ получалъ богатые заказы на иконы для св. Земли и горы Аѳонской, иногда на нѣсколько сотенъ рублей!...

*) †. въ 1883 г.

остался вѣренъ обычнымъ, традиціоннымъ отношеніямъ къ своему рабочему люду: разсчитывая и отпуская отъ себя всѣхъ своихъ мастеровъ онъ приказалъ своимъ домашнимъ, чтобы они каждому мастеру безъ спора и прекословія выдали все, что каждому, по его заявленію, причитается получить, да имъ же приказалъ отдать въ подарокъ и всѣ инструменты изъ столярной мастерской...

IV.

Древняя вселенская церковь, съ самыхъ первыхъ вѣковъ своего существованія, признавала великое религіозное и нравственно-практическое значеніе искусства религіозной живописи. Почитатели свв. иконъ представляли идею христіанства настолько всеобъемлющею, что, по ихъ убѣжденію, и самое искусство должно было стать въ тѣсныя отношенія къ религіи. Этотъ взглядъ существовалъ несомнѣнно и въ первые три вѣка христіанства, но со всею силою высказывался, начиная съ IV-го вѣка, пока, наконецъ, въ твореніяхъ св. I. Дамаскина и свв. отцовъ VII-го вселенскаго собора не нашель себѣ полного, точнаго и основательнаго выраженія, строгой формулировки, навѣки утвердившей догматическую важность иконопочитанія.

Еще св. Василій Великій прямо приглашаетъ художника своими красками и кистью дополнить то, чего ораторъ не можетъ высказать словами. Въ словѣ на память мученика Варлаама св. Василій говоритъ: „возстаньте теперь предо мною вы, славные живописатели подвижническихъ заслугъ. Добавьте своимъ искусствомъ это неполное изображеніе военачальника. Красками вашей мудрости освѣтите неясно представленнаго мною вѣнценосца. Пусть буду побѣжденъ вашимъ живописаніемъ доблестныхъ дѣлъ мученика; радъ буду признать надъ собою и нынѣ подобную побѣду вашей крѣпости. Посмотрю на этого борца, живѣе изображеннаго на вашей картинѣ* (Дѣян. Собб. VII, 305).

Св. отцы и учителя Церкви IV-го и V-го вѣковъ въ своихъ сочиненіяхъ говорятъ съ великимъ умиленіемъ и благоговѣніемъ объ образахъ, какіе имъ приходилось видѣть. Напр., св. Григорій Нисскій не могъ безъ слезъ умиленія видѣть изображеніе принесенія Исаака въ жертву Авраамомъ. Св. Григорій говоритъ: „нерѣдко видѣлъ я живописное изображеніе этого страданія и никогда не проходилъ безъ слезъ мимо сего зрѣлища; такъ живо эту исторію представляетъ взору искусство“ (Дѣян. VII, 325).

Св. Ниль Синаитъ *) въ письмѣ своемъ къ одному христіанскому храмоводителю настойчиво совѣтуетъ, вмѣсто придуманныхъ имъ свѣтскихъ, мірскихъ украшеній для стѣнъ созидаемаго имъ храма, — украсить стѣны его изображеніями священными. „Пусть, говоритъ онъ, рука живописца наполнитъ храмъ исторіями Ветхаго и Новаго Завѣта, — для чего? Чтобы и тѣ, кто не знаютъ грамоты и не могутъ читать божественныхъ писаній, рассматривая живописныя изображенія, приводили себя на память мужественные подвиги искренно послужившихъ Богу и возбуждались къ соревнованію достойнымъ и приспомятымъ доблестямъ, по которымъ землю обмѣняли на небо, предпочтя видимому — невидимое“ (Дѣян. VII, 260 — 1). Иконопочитатели всегда старались раскрывать высокое и глубокое значеніе иконопочитанія для развитія и воспитанія религіознаго чувства. Иконопочитаніе возбуждаетъ въ человѣкѣ чувство религіознаго благоговѣнія и умиленія, исторгаетъ слезы сокрушенія. „Когда мы сами, говоритъ о себѣ папа Григорій II (современникъ византійскаго императора иконоборца Льва Исаврянина) входимъ въ церковь и рассматриваемъ изображенія чудесъ Господа I. Христа, а также изображенія святой Его Матери, имѣющей на рукахъ питающагося млекоу Господа, а равно и ангеловъ, то выходимъ изъ храма не безъ сердечнаго сокрушенія. Да и кто не будетъ подобно намъ сокрушаться и не прольетъ

*) V-го вѣка.

слезь умиленія, взирая на изображеніе Авраама съ мечемъ, грозно поднятымъ надъ шеей сына? Кто не будетъ сокрушаться и не прольетъ слезь, взирая вообще на всѣ страданія Господа?* (Дѣян. Соб. VII, 33).

Несомнѣнно, такими св. мыслями и чувствами была проникнута душа и нашего художника-христіанина Н. В. Шумова, когда онъ создавалъ свящ. изображенія Господа І. Христа, Богоматери и свв. Угодниковъ Божіихъ. Въ эти священныя изображенія, въ этотъ богоугодный свой трудъ, служившій для него задачей всей его жизни, онъ влагалъ всю свою душу.

Въ каждомъ штрихѣ карандаша, въ каждомъ ударѣ кисти покойнаго художника проглядываетъ глубокая продуманность, что особенно цѣнно въ живописи религіознаго характера, гдѣ, прежде чѣмъ написать какую-либо картину, или икону, — надо проникнуться святостью изображаемаго.

Будучи самъ человѣкомъ глубоко и искренно вѣрующимъ, истинно-религіознымъ, Н. В. всѣми силами старался вложить свое искреннее религіозное чувство въ свои работы; сидя за мольбертомъ, онъ, казалось, переживалъ тѣ моменты жизни Христа, Богоматери или святыхъ, изображенія которыхъ наносила на полотно его кисть; и надо отдать справедливость покойному, — ни одна его работа не можетъ вызвать въ молящихся иного чувства, кромѣ благоговѣйнаго умиленія.

Конечно, нѣтъ нужды много распространяться о *высокомъ техническомъ совершенствѣ* *) иконописныхъ работъ Н. В. Шумова: будучи усерднѣйшимъ и талантливымъ ученикомъ строгаго и требовательнаго профессора живописи А. Т. Мар-

*) О *высокомъ техническомъ совершенствѣ* художественныхъ работъ Н. В. — можно свидѣтельствовать, напр., изображеніе кадилнаго енгіама на его религіозной картинѣ, изображающей ангела съ кадиломъ и свѣчею (картина эта, высокой стоимости, хранится у дѣтей Н. В. Шумова, въ ихъ домѣ), или же — изображеніе бархата и атласа на портретѣ Преосвящ. Палладія (впослѣдствіи Митрополита СПбургскаго), что въ покояхъ Филанскаго Архіерейскаго дома: эти матеріи нарисованы художникомъ съ такимъ искусствомъ, что производятъ полную иллюзію подлинныхъ, дѣйствительныхъ, а не нарисованныхъ шелковыхъ матерій.

кова, Н. В. именно и отличался особой добросовѣстностью въ отдѣлкѣ малѣйшихъ деталей каждой религіозной картины: онъ смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на дѣло Божіе, помня слова Св. Писанія: „проклять всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ“.

Высокое качество работъ Н. В-ча особенно наглядно проявляется и рѣзко бросается въ глаза при сравненіи ихъ съ работами иконописцевъ-ремесленниковъ; а таковая именно возможность сравненія и открывается зрителю въ храмѣ Рязанскаго Женск. Епарх. Училища, гдѣ центральная часть иконостаса—истинно художественная работа Шумова, тогда какъ иконостасы придѣльные—позднѣйшая работа чисто-ремесленного характера.

Какъ ученикъ А. Т. Маркова, стоявшаго во главѣ художниковъ-академиковъ, приглашенныхъ украсить своими работами храмъ Христа Спасителя въ Москвѣ,—Ник. В-чъ и самъ, по направленію своей художественной дѣятельности, по самому, такъ сказать, пошибу своего письма, примыкалъ къ группѣ этихъ знаменитыхъ художниковъ, украсившихъ своими работами единственное въ своемъ родѣ чудо русскаго искусства—Московскій храмъ Христа Спасителя.—Если бы намъ предложили точно формулировать направленіе художественной дѣятельности Ник. В-ча, то мы сказали бы, что его иконописныя работы это—благоразумная, золотая-средина между обычнымъ художественнымъ реализмомъ и суровой строгостью иконописнаго византійскаго стиля. Всѣ работы Ник. В-ча отличаются какою-то особою мягкостью кисти, мы сказали бы—скромностью и нѣжностью колорита, отсутствіемъ кричащихъ красокъ, а также—удивительной тщательностью въ отдѣлкѣ деталей картины; грубо-декоративнаго письма—толстыми, грубыми мазками—Н. В. терпѣть не могъ, такъ что картины его кажутся одинаково хорошими какъ на далекомъ, такъ и на близкомъ разстояніи, отъ нихъ.

Строгая пропорціональность въ изображеніи фигуръ святыхъ—въ состояніи удовлетворить самаго требовательнаго

знатока анатоміи человѣческаго тѣла, а истинно-благочестивый и благолѣпный видъ святыхъ на картинахъ Н. В-ча способенъ вызвать въ душѣ молящагося одно лишь чувство религіознаго умиленія.

Къ наиболѣе удачнымъ художественнымъ работамъ Н. В-ча, кромѣ вышеупомянутыхъ изображеній Пр. Серафима Саровскаго, нужно отнести превосходное изображеніе иконы Боголюбской Божіей Матери (копія съ Зимаровской чудотворной иконы) и особенно—воскресшаго Господа І. Христа, каковое изображеніе обычно рисовалось Н. В-чемъ на стеклѣ, для постановки въ алтаряхъ за св. престоломъ. Такова, напр., запрестольная икона воскресшаго Господа, нарисованная Н. В-чемъ на стеклѣ,—въ Рязанскомъ тепломъ Рождественскомъ Кафедральномъ Соборѣ и производящая на молящихся, при настоящемъ электрическомъ освѣщеніи, неотразимо-чарующее впечатлѣніе. Таковыя же иконы на стеклѣ нарисованы Шумовымъ и для многихъ другихъ церквей...

Нельзя сказать, чтобы таковая живопись на стеклѣ придумана лично Н. В-чемъ (она заимствована, вѣроятно, изъ Исаакіевскаго Собора въ Петроградѣ); но что Н. В. первый ввелъ такую живопись въ Рязанской губерніи, это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Послѣ сказаннаго о высокихъ достоинствахъ работъ Н. В-ча не удивительно, что слава о немъ прошла едва ли не по всей Руси православной, и мастерская его не только не испытывала нужды въ заказахъ, но была завалена заказами, и Н. В-чу отъ многихъ такихъ заказовъ часто приходилось даже отказываться...

V.

Высокія достоинства художественныхъ работъ Н. Васильевича не могли, конечно, не привлечь къ себѣ вниманія мѣстныхъ Архипастырей Рязанскихъ, послѣдовательно управлявшихъ нашей Епархіей за время наиболѣе блестящаго развитія художественной дѣятельности покойнаго Н. В-ча.

Отношеніе всѣхъ вообще владыкъ Рязанскихъ къ Н. В-чу было самое доброе, внимательное и благожелательное: они отовсюду доставляли ему заказы и наперерывъ рекомендовали его мастерскую иногороднимъ и иноепархіальнымъ заказчикамъ.

Моментъ открытія Н. В-чемъ художественной иконописной мастерской совпалъ со временемъ пребыванія на нашей Рязанской кафедрѣ знаменитаго Архіепископа *Смарагда* (Крыжановскаго ¹⁾).

Относясь вообще благосклонно къ художественной дѣятельности Н. В-ча, Пр. Смарагдъ особѣнно цѣнилъ художника за то усердное содѣйствіе, которое онъ оказывалъ ему въ предпріятомъ имъ прославленіи памяти св. Великомученика Романа, вел. князи Рязанскаго († 19 іюля 1270 года, при татарскомъ ханѣ Менгу—Темирѣ). Изъ жителей г. Рязани Н. В-чь первый началъ ратовать за то, чтобы имя Рязанскаго князя—Великомученика не было забыто въ землѣ Рязанской; т. обр., пламенное усердіе художника и благое произволеніе Владыки—сошлись между собою, и въ результатъ оказалось торжественное прославленіе памяти князя Великомученика, имя котораго едва—было не пришло въ забвеніе въ средѣ рязанцевъ.

Первый образъ св. Романа написанъ Н. В-чемъ и поставленъ имъ въ иконостасѣ придѣла трехъ Святителей, ²⁾ въ любимой имъ Семинарской Владимірской церкви, по заказу ктитора ея. Самый тропарь св. князю Роману составлялся въ домѣ Ник. В-ча Шумова, весьма извѣстнымъ въ свое время инспекторомъ Рязанской Дух. Семинаріи, Ив. Ме. Сладкопѣвцевымъ, личнымъ другомъ Ник. Васильевича.

Вторая икона св. князя—мученика Романа Рязанскаго—обѣтная: написана по усердію ктитора Спасо-Ярской церкви,

¹⁾ 1859—1863 г.

²⁾ Въ настоящее время находится въ Солодовской пристройкѣ къ Семинарскому храму.

вещь Мокія Панова, пожертвована въ Рязанскій Каѳедральный Соборъ съ тѣмъ, чтобы она носима была въ крестныхъ ходахъ и чтобы предъ нею ежегодно 19-го іюля совершался молебенъ св. Роману, въ память его страдальческой кончины и первой побѣды надъ французами въ 1812 году (при Клястицахъ). Архіепископъ Смарагдъ съ особеннымъ вниманіемъ принялъ жертву г. М. Панова, самъ освятилъ ее въ своей Крестовой церкви, при пѣніи тропаря и кондака св. Роману, и при этомъ сказалъ предстоящему народу: „Это икона св. Романа, князя Рязанскаго. Молитесь ему. Онъ былъ хозяинъ земли Рязанской; — онъ заступникъ и молитвенникъ нашъ и нынѣ“... На оборотной сторонѣ иконы написано: „Лѣта 1859 года іюня дня.. Въ благополучное царствованіе Императора Александра Николаевича II, при Высокопреосвященнѣйшемъ Архіепископѣ Рязанскомъ Смарагдѣ, написана сія икона святаго Великомученика Благовѣрнаго князя Рязанскаго Романа Ольговича, по усердію и особенной вѣрѣ къ святому Великомученику, вещь Мокія Панова, въ Рязанскій Каѳедральный Соборъ съ тѣмъ, чтобы сія св. икона носима была во всѣхъ крестныхъ ходахъ и по усердію въ дома. Написана въ градѣ Рязани художникомъ Императорской Академіи Николаемъ Шумовымъ“. На этой иконѣ, по золотому полю, Великомученикъ изображенъ во весь ростъ, въ минуты молитвеннаго настроенія его духа предъ страданіемъ его. Правая рука совершаетъ крестное знаменіе. Взоръ и ликъ святаго обращены къ Спасителю, стоящему въ облакахъ, съ простертыми руками, внимающему молитвамъ св. души мученика и призывающему его къ покою. Въ лѣвой рукѣ у св. Романа хартія; у ногъ — княжескія регаліи; внизу изображены страданія князя.

До преосвящ. Смарагда во всей области Рязанской не было сооружено въ честь св. кн. Романа ни одного храма, и первый таковой храмъ былъ устроенъ Архіеписк. Смарагдомъ въ загородной дачѣ архіерейскаго дома — въ Новопавловкѣ, въ память прибытія Владыки на Рязанскую каѳедру (19 іюля

1858 г.). 20 сентября 1861 года Архиепископ Смарагдъ, въ воспоминаніе 30-лѣтняго служенія своего въ санѣ святителя, самъ освятилъ этотъ храмъ съ приличнымъ торжествомъ, при стѣченіи многочисленнаго народа, которому въ словѣ своемъ представилъ величіе страданій св. Романа за Христа Спасителя и, наконецъ, обратился съ благоговѣйною молитвою къ св. Князю, прося его призрѣть на новый храмъ сей, — *первый во имя его*, — и принять подъ свое высокое покровительство смиреннаго храмоздателя и всѣхъ Рязанскихъ жителей *). Стѣнная роспись и иконостасныя работы въ этомъ храмѣ были выполнены *Н. В. Шумовымъ*.

Ко времени же управленія Преосвящ. Смарагда Рязанской Епархіей относится и первое прибытіе св. Иконы Боголюбской Божіей Матери — изъ церкви села Зимарова (Раненбузда). Эта святая чудотворная икона довольно долгое время имѣла свое пребываніе въ домѣ художника Н. В. Шумова, гдѣ онъ срисовалъ съ нея точную копію. Эта художественная копія и по-сейчасъ находится въ домѣ наследниковъ Н. В-ча, и она-то именно и служила образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ иконъ Боголюбивой Царицы Небесной, изготовленныхъ въ мастерской Н. В-ча.

Не меньшимъ вниманіемъ и любовью пользовался Н. В-чъ и со стороны слѣдующаго Владыки Рязанскаго — *Иринарха*, **) любвеобильнаго, кроткаго архипастыря и весьма виднаго, по своему времени, проповѣдника. Въ знакъ своего уваженія къ художественной дѣятельности Н. В-ча Преосвящ. Иринархъ подарилъ ему полный экземпляръ своихъ краснорѣчивыхъ поученій (2 тома) съ соответствующей надписью, а въ знакъ особаго дружественнаго расположенія — презентовалъ благоче-

*) Теперь этой Романовской церкви не существуетъ: 24 октября 1902 года при Преосвящ. Поливантѣ (Пясковскомъ, † 7 апр. 1906 г.) она сгорѣла до тла, но при непосредственномъ преемникѣ его Аркадіѣ (Карнинскомъ, † 17 авг. 1913 г.) была выстроена вновь и уже подготовлена къ освященію, однако не была освящена за отбытіемъ его на покой, а при Преосвящ. Никодимѣ (Боконѣ, † 13 марта 1914 года въ Астрахани) 10 сентября 1909 г. опять сгорѣла совсѣмъ и не возобновлялась.

**) Полова, 1863—67 г.; † въ 1877 г. въ Ряз. Троицк. монастырѣ.

сотивму художнику—христианину собственноручно связанную изъ шерсти скуфейку, которую и благословилъ надѣвать при работахъ въ храмахъ.

Но наибольшее вниманіе въ отношеніи къ Н. В-чу несомнѣнно высказывалъ непосредственный преемникъ Архіепископа Иринарха—Преосвящ. *Алексій* (Ржаницынъ; 1867—1876; † въ 1877 году, въ санѣ Архіеписк. Тверского). Да это и вполнѣ естественно, если взять во вниманіе тѣ неоцѣненныя услуги, которыя оказалъ Н. В-чъ какъ Преосвящ. Алексію, такъ и всей Рязани своимъ дѣятельнымъ участіемъ и—своими старинными Петроградскими связями въ дѣлѣ переустройства Рождественскаго—теплага Каѳедральнаго Собора.

Какъ извѣстно, Преосвящ. Алексій предпринялъ переустройку и капитальный ремонтъ Рождественскаго Каѳедральнаго Собора, который до того времени былъ весьма тѣснымъ и, главное, крайне душнымъ, не имѣя того свѣтлаго, роскошнаго купола, которымъ онъ увѣнчивается въ настоящее время. Когда проектъ этого переустройства Рождественскаго Собора былъ изготовленъ, Петроградское высшее управленіе по строительной части долго не утверждало его, указывая, между прочимъ, на недопустимость надстройки *деревяннаго* купола на *каменномъ* церковномъ строеніи. Было высказано и еще много различныхъ основаній къ отклоненію вышеупомянутаго проекта,—по различнымъ техническимъ соображеніямъ. Тогда Н. В-чъ, принимавшій дѣятельное участіе въ выработкѣ этого плана переустройства Рождественскаго Собора, самолично поѣхалъ въ Петроградъ, использовалъ всѣ свои прежнія, старинныя связи въ правительственныхъ и художественныхъ сферахъ, доказалъ специалистамъ по строительно-технической части полную осуществимость предлагаемаго проекта и добился—таки желаннаго успѣха въ своемъ ходатайствѣ: проектъ былъ одобренъ, а затѣмъ, съ помощію Божіею, и осуществленъ весьма успѣшно, главнымъ образомъ благодаря Н. Васильевичу!..

